

Е. Э. Войтишек, Д. С. Бочкарева

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

orient@lab.nsu.ru

**ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЭВЕНКОВ КИТАЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РОМАНА ЧИ ЦЫЦЗЯНЬ
«ПРАВЫЙ БЕРЕГ РЕКИ АРГУНЬ»)***

Анализируются особенности этнической культуры эвенков Китая, рассмотренные на материале романа современной китайской писательницы Чи Цыцзянь «Правый берег реки Аргунь» (2005). Жанровые особенности этнопрозы дают основания анализировать роман во многом как ценный историко-этнографический и фольклорный источник. Широко используя возможности фольклорных жанров, Чи Цыцзянь описывает обычаи и обряды, тесно связанные с устным народным творчеством китайских эвенков. Подробно рассмотрена группа сюжетов, отражающих особое отношение народа к природе, к культу огня и домашнего очага, к охоте, к культу медведя. В контексте сравнительного анализа мифологических представлений и ритуальных практик народов Сибири и Дальнего Востока большое значение имеет группа мифов о родстве медведя и человека. Обращение к этнической культуре народа, проживающего на обширной территории Сибири и Дальнего Востока России, а также Внутренней Монголии и провинции Хэйлуцзян КНР, подчеркивает важность историко-этнографических исследований в мультиэтнических обществах, какими являются Россия и Китай.

Ключевые слова: эвенки Китая, Чи Цыцзянь, роман «Правый берег реки Аргунь», этническая культура, традиционные мифологические представления, фольклор, песни шамана, культ огня, культ медведя.

Проблема изучения и сохранения фольклора и этнической самобытности малочисленных народов в современном мире представляется особенно актуальной в условиях глобализации не только экономики, но и культуры. Наиболее актуальна эта проблема для многонациональных государств, каким является Китай – на его территории сегодня проживает 56 этносов.

Тема мультиэтничности в последнее время широко обсуждается не только в научных кругах, но и в творческой среде современного Китая. На фоне процессов интернационализации особый интерес вызывает судьба малых народов, которые живут в гармонии

с природой и сохраняют трепетное отношение к традициям. Многие писатели, художники, кинорежиссеры в своем творчестве пытаются воссоздать картины из жизни малых народов, отразить их национальный колорит и историю.

Современная китайская писательница Чи Цыцзянь (迟子建), широко известная активной и принципиальной жизненной позицией, в своем творчестве часто обращается к теме малых народов, их самобытной культуре. Писательскую карьеру Чи Цыцзянь начала в 1983 г. К ее наиболее известным произведениям относятся романы «Утренний колокол звучит до сумерек» (1997),

* Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

«Под деревом» (2001), «Марионеточное правительство Маньчжоуго» (2000), «Ясная погода над облаком» (2003), «Черный ворон, белый снег» (2010), сборники рассказов «Сказка об арктической деревне» (1986), «Путешествие в ночи» (1994), а также сборники очерков и эссе. Несмотря на то, что в России эта писательница пока мало известна, уже есть работы на русском языке, посвященные ее творчеству. Так, О. Н. Рябченко полагает, что Чи Цзыцзянь развивает национальную прозу и направление индивидуализации [2009. С. 41], а Н. Г. Аюшеева относит творчество Чи Цзыцзянь к направлению «литературы родных краев», или к этнопрозе [2010. С. 61].

Действительно, творческий метод Чи Цзыцзянь включает не только приемы и особенности, характерные для художественной прозы, но во многом опирается на незаурядное дарование настоящего исследователя, этнографа и фольклориста. Тщательный подход к анализу материала дает основания рассматривать ее произведения как ценные историко-этнографические и фольклорные источники. В частности, писательницу глубоко волнует судьба китайских эвенков, а также те социально-экономические и психологические проблемы в их жизни, которые особенно проявились в последние десятилетия.

Эвенки 鄂温克族 *эвэнькэ-цзу* – этнос, который расселился не только на обширных землях Сибири и Дальнего Востока России, но и на территории Китая и Монголии. По материалам Д. П. Болотина, на начало 2000-х гг. численность эвенков России составляла около 35,5 тыс. чел., на территории Китая проживало около 30 тыс. чел., в Монголии – 3 тыс. чел. [2008. С. 21]. В Китае большинство эвенков живет в эвенкийском автономном округе Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия и в провинции Хэйлунцзян [Народы Восточной Азии, 1967. С. 697]. По данным китайских исследователей, эвенки Китая представлены тремя группами. Первая – солонь-цзу, проживающие по берегам р. Хайлар (их основное занятие – скотоводство и земледелие). Вторая – тунгусы 通古斯 *тунгусы*, проживающие в хошуне Чэнь-Барга-Ци (рус. Старая Барга, кит. 陈巴尔虎旗 *чэньбаэрхуци*); они занимаются кочевым скотоводством. Третья – эвенки, сохранив-

шие оленеводство; китайцы называют их якутами – 雅库特 *якутэ*. Все эти три группы объединены одним языком и общими традициями, поэтому в китайской литературе их принято называть эвенками 鄂温克族 *эвэнькэ-цзу* [Ду Дяньвэнь, 2001. С. 89].

Петербургский синолог А. О. Ивановский отмечал, что эвенки конца позапрошлого века часто сами себя называли по-разному: ороньчо, цилинь, манегир, эвенк или солон – как, по их мнению, понятнее собеседнику (цит. по: [Афанасьева, 2010. С. 12]). Видимо, обилие самоназваний эвенков связано с их кочевым образом жизни, с активными культурными контактами в таких миграциях, а также с частичной этнической ассимиляцией. Долгое время эвенки существовали под разными названиями племенных и территориальных союзов, что свидетельствует о процессах формирования этноса (в научной литературе эти племена зачастую объединяются этнонимом «тунгусы» 通古斯 *тунгусы*). По мнению Л. С. Бориной, наличие целой иерархии самоназваний, включающих в себя родовой уровень, территориальный и локальный, является признаком формирующегося этноса [2007. С. 312].

Эвенки Китая объединены в две официальные национальности, проживающие в округе Хулун-Буир во Внутренней Монголии и в провинции Хэйлунцзян: орононы и собственно эвенки (солонь, тунгусы-яко, хамниганы) [Афанасьева, 2010. С. 11]¹. В романе «Правый берег реки Аргунь» описана жизнь группы собственно эвенков, а точнее – оленных тунгусов-яко². Несмотря на то, что в Китае эту группу называют 雅库特 *якутэ*, фактически они не являются якутами. По мнению Е. Ф. Афанасьевой, это эвенки, чьи предки перекочевали с р. Лена в Якутии на территорию Китая после революции 1917 г. [Там же. С. 12].

¹ Сложной проблемы этногенеза эвенков, являющейся предметом многолетних дискуссий в широких научных кругах, авторы намеренно не касаются (об этногенезе эвенков см. труды А. О. Ивановского, С. М. Широкогорова, К. М. Рычкова, А. И. Мазина, Г. М. Василевич, А. Ф. Анисимова, Д. П. Болотина, А. М. Кайгородова, М. Г. Турова, М. Г. Левина, В. А. Туголукова, В. В. Карлова, А. А. Алексеева, Е. Ф. Афанасьевой и др.).

² С эвенкийским словом *яко/йэкэ* со значением «якут» Е. Ф. Афанасьева связывает происхождение понятий «якуты», «Якутия» [2010. С. 13].

Начало 2000-х гг. в Китае было отмечено рядом мероприятий, связанных с попыткой переселения эвенков из горных лесов в поселки городского типа. Сразу после переселения эвенков Чи Цзыцзянь, обеспокоенная их судьбой, решила съездить к ним.

«В поселке на окраине г. Гэньхэ стояли новые пустующие дома с белыми стенами и красными крышами. Внутри загонов для оленей, окруженных проволокой и рядами красного кирпича, оленей не было видно – только группка горных козлов лениво собирала сорняки с дорожек. По словам главы городской комиссии г. Гэньхэ, разведение оленей в неволе не имело успеха: помещенные в загоны, через несколько дней они начинали болеть и приходилось их выпускать. Многие из оленеводов и охотников старшего поколения эвенков, так и не приспособившись к новым условиям жизни, вернулись в привычные для них горы и леса» [Чи Цзыцзянь, 2006. С. 265]³.

Тогда Чи Цзыцзянь отправилась по следам эвенков до мест их традиционных поселений. Время, проведенное писательницей вместе с эвенками, можно считать своеобразным опытом полевых этнографических и фольклорных исследований.

Свои наблюдения за традиционным укладом жизни эвенков она реализовала в 2005 г. в романе «Правый берег реки Аргунь» (额尔古纳河右岸). В нем описана вековая история жизни эвенкийских оленеводов и охотников, откочевавших от Байкала на правый берег Аргуни. Роман дает возможность познакомиться с эвенками Китая через их хозяйственную жизнь, культуру и народное искусство, приметы, обычаи и верования [Ван Мин, 2009. С. 94]. Произведение занимает особое место в творчестве писательницы. В 2008 г. на 7-й церемонии вручения литературной премии имени Мао Ду⁴, организованной Союзом китайских писателей, Чи Цзыцзянь получила за него первую премию. Члены литературной комиссии оценили появление этого историко-

поэтического произведения как яркое событие национальной культуры.

Произведение изобилует описаниями природы, ритуалов, традиционного уклада жизни этого народа, т. е. представляет ценность как источник по культуре и фольклору эвенков Китая. Данную особенность произведения отмечают и китайские исследователи. Так, по мнению литературоведа Чжун Вэй, это «шкатулка, в которую писательница собрала сокровища традиционной культуры эвенков Китая» [2012. С. 106]. Интерес Чи Цзыцзянь к народным обычаям и фольклору является неотъемлемой характеристикой ее творчества [2006. С. 4].

Тот факт, что художественное произведение спровоцировало появление многочисленных научных исследований, заслуживает несомненного уважения и самого пристального внимания. Пожалуй, одной из наиболее распространенных тем научных публикаций является аспект отражения в романе «Правый берег реки Аргунь» традиций, культуры шаманизма, фольклора эвенков Китая⁵.

В задачи данной статьи входят описание и анализ элементов этнической культуры и фольклора эвенков Китая, которые широко отображены в романе Чи Цзыцзянь. Данная работа впервые в российском востоковедении представляет под этнографическим углом творчество известной писательницы, поднимающей важные социальные темы относительно малочисленных народов Китая. Особую актуальность исследованию придает тот факт, что эвенки как сформировавшийся этнос в настоящее время населяют обширную территорию и Китая, и России, в связи с чем изучение этнической культуры и фольклорного наследия этого народа представляет особый интерес в сравнительно-историческом аспекте.

Фольклорные материалы, которые Чи Цзыцзянь включает в роман, по своей форме и жанровой принадлежности можно разделить на две большие группы. В первую входят жанры эпического фольклора (народные

³ Здесь и далее фрагменты романа, включая песни шаманов и описание ритуалов и обрядов, даны в переводе Д. С. Бочкаревой. Перевод осуществлен по изд.: [Чи Цзыцзянь, 2006].

⁴ Литературная премия Мао Ду, утвержденная в 1981 г., присуждается за лучшие романы. Является одной из наиболее престижных наград для писателей в Китае.

⁵ Среди исследователей, занимавшихся этой темой, можно назвать Цюй Хун, Ван Мин, Чжан Цзыюнь, Лю Чуньлин, Хуан Фэн, Бо Яньфэй и др. Особенно следует выделить работу Чжу Хэмэй «Влияние фольклора эвенков Аолугуя на роман “Правый берег реки Аргунь”» [2010], в которой исследовательница анализирует некоторые сюжеты романа, сопоставляя их с фольклором эвенков Аолугуя. Однако Чжу Хэмэй ограничивается рассмотрением лишь нескольких сюжетов из мифологии эвенков Китая.

предания, мифы, легенды, сказки), вторую группу составляют ритуальные песни шамана. Мифологические сюжеты, представленные в романе, отражают процессы эволюции представлений эвенков об окружающем мире, формирование на их основе определенных правил поведения, ритуалов, табу.

По представлениям эвенков, весь мир населен различными духами. Их анимизм до сих пор жив – они поклоняются духу дождя, огня, почитают духа медведя. Эти представления нашли отражение в ряде сюжетов романа.

Ярким примером является группа сюжетов, отражающих особое отношение к природе, к культу огня. Очаг, по поверьям эвенков, никогда не должен гаснуть, даже когда племя переходит с одного места на другое. Главная героиня романа, от лица которой ведется повествование, говорит: «Огонь, который я охраняю, тоже стар. И неважно – ураган ли, снег, ливень, я все равно слежу за ним и никогда не даю ему погаснуть. Его пламя – это мое бьющееся сердце» [Чи Цыцзянь, 2006. С. 4]. «Надо сказать, что мы с большим почтением относимся к духу огня. В огне живет дух, поэтому мы не можем плевать в него, брызгать водой и кидать туда мусор, грязь» [Там же. С. 29–30].

Культ огня сформировался еще в древности, на его основе сложились определенные табу, которые должен соблюдать человек, чтобы не потревожить духа, охраняющего огонь. Эти представления хорошо видны на примере легенды об охотнике, которую рассказывает шаман Ниду главной героине:

«Шаман рассказывал, что много лет назад один охотник целый день слонялся по лесу и встретил множество животных, но никого так и не убил – все животные убежали прямо у него из-под носа, охотник сильно рассердился. Вечером расстроенный, он вернулся домой, разжег костер, но, услышав треск разгорающегося хвороста, решил, будто кто-то подсмеивается над ним. Разозлившись, охотник схватил свой нож и ткнул его в пылающий огонь. На следующее утро, когда охотник проснулся, он снова пытался разжег костер, но тщетно. Охотник, так и не выпив горячей воды, не приготовив еды, вновь отправился на охоту. Но и в этот день никакой добычи ему не досталось, он вернулся ни с чем и снова решил

развести костер – по-прежнему ничего не выходило. Это показалось ему странным, тогда в голоде и холоде он провел долгую ночь. Два дня подряд он не мог разжег огонь, а потому ничего не ел. На третий день он опять отправился на охоту и вдруг услышал горький плач. Он пошел на эти звуки и увидел старуху, которая облокотилась о высохшее темное дерево, лицо ее было залито слезами. Охотник спросил, отчего она плачет? Женщина ответила, что какой-то человек ударил ее ножом по лицу, и теперь ей нестерпимо больно. Она убрала руку, и охотник увидел окровавленное лицо, тут он понял, что обидел духа огня. Тогда он опустился на колени и стал умолять духа о прощении, поклялся, что с этого дня всегда будет совершать ему подношения. Пока он кланялся, старуха исчезла, а на дереве, к которому она прислонялась, уселся цветастый горный петух. Охотник достал лук и пустил стрелу, на сей раз он попал в цель. Когда он поднял петуха и вернулся на старое место, увидел, что костер, который он не мог разжег три дня, разгорелся сам собой. Охотник встал возле костра на колени и заплакал» [Там же. С. 29].

Этот сюжет связан с двумя мифами – о домашнем очаге и матери огня. Оба мифа приводит в своей статье Лю Чуньлин.

«Давным-давно один охотник отправился в лес на охоту. Он весь день провел в лесу, но так ничего и не поймал. Вернувшись домой к вечеру, он разжег домашний очаг. Вдруг огонь издал странный звук, охотник подумал, что это несчастливая примета. Поэтому охотник разозлившись, бросил свой охотничий нож прямо в горящий костер, и костер тут же потух. На второй день ранним утром охотник попытался разжег огонь, но как он ни старался, у него ничего не выходило, и спустя несколько дней охотник умер от холода и голода» [Лю Чуньлин, 2012. С. 19].

В другом мифе о матери огня говорится: «Однажды один мальчик обжог ногу, играя возле костра. Его мать разозлилась на огонь и залила его водой. С тех пор эта семья не могла разжег огонь. В тот же день у их дома появилась странная пожилая женщина, которая сидела на скамье и плакала. Тут-то мать ребенка поняла, что эта женщина – дух огня, и что, затушив огонь водой, она ранила духа огня, за это дух наказал семью. Мать мальчика упала рядом с женщиной на

колени и стала умолять ее о прощении. Дух огня, увидев ее искренность и раскаяние, пощадил их, с тех пор семья вновь могла разжигать огонь» [Лю Чуньлин, 2012. С. 19].

Оба эти мифа показывают, что непочтительное отношение к огню может обидеть дух огня. Эвенки верят, что священный дух огня, охраняющий источник пламени, нельзя тревожить. Особый статус духа огня подчеркивается множеством примет и табу на непочтительное отношение к огню, многие из которых действуют и сегодня.

Например, О. Б. Арчакова и Л. Л. Трифонова приводят такие приметы: «не бросай в огонь острые предметы: наколется дух – хозяйка огня», «не плюй в огонь, если плюнешь – вымажешь рубашку, а дух огня накажет: появятся на губах язвы», «не руби дров около огня – ударишь Бабушку, и в дороге не будет гореть огонь» [2006. С. 110].

В большинстве эвенкийских мифов духи природы предстают в облике антропоморфных существ. Духи могут выступать в качестве добрых советчиков и помощников. Наиболее типичными персонажами, которые в эвенкийских сказках изображают духов природы, являются архетипические образы «седого» старика или старушки [Там же. С. 118].

Так и в сюжете романа – дух огня появляется перед охотником в облике старой женщины. Поскольку люди постоянно зависели от огня, всегда был человек, который следил за тем, чтобы огонь не потух. Древние эвенки воспринимали хранителя домашнего очага как проводника, который общался с духом. Поэтому дух огня из простого духа природы превращается в антропоморфное существо, которое обладает чувствами и эмоциями человека [Лю Чуньлин, 2012. С. 19].

Поскольку источником существования для эвенков всегда была преимущественно охота, в их культуре важное место занимают охотничьи ритуалы. В романе описываются сюжеты охоты, рассказывается о различных охотничьих ритуалах, а также приводится легенда о горном духе Байнача 百那查. Дух Байнача часто появляется в мифах и сказках эвенков в качестве старца-помощника, когда герой встречается лицом к лицу с опасностью. Добродушный седобородый старец дает наставления, помогая герою преодолеть различные препятствия. Появление этого персонажа всегда таинственно, он

часто легко подлетает к герою или неожиданно выходит из-за дерева. Он обладает удивительной способностью предвидеть события, в его руках находится жизнь людей и природы. В эвенкийских мифах образ белобородого старца – это символ мудрости, предвидения, доброты, милосердия. Повидимому, изначальным прообразом этого старца является почитаемый у эвенков лесной дух-помощник Байнача [Ван Личжэнь, 2009. С. 92].

В романе «Правый берег реки Аргунь» приводится легенда, которая объясняет происхождение горного духа Байнача: «Давным-давно зимой вождь одного племени собрал охотников и отправился в горы на охоту зверя. Во время охоты они заметили, что из расщелины в большой горе раздаются какие-то странные звуки, похожие на звериный вой, охотники сразу же в ожидании окружили гору. Вождь спросил охотников племени: как вы думаете, сколько там зверей? Но никто из охотников не знал. Вдруг появился один добродушный седобородый старик. Он не только сказал, сколько зверей в горе, но и сообщил, что это за звери, сколько точно оленей, собак и зайцев находится в горном ущелье. Закончив говорить, старик повернулся и ушел, но никто ничего не заподозрил. В конце второго дня вождь приказал людям идти подсчитать пойманную добычу. Выяснилось, что старик был прав. Вождь повелел найти седобородого старца, но тот исчез, и следа не осталось. Тогда вождь подумал, что старик был горным духом, который распоряжался всеми животными, поэтому на том дереве, из-за которого неожиданно появился старик, вырезали лицо седобородого старца. После этого случая охотники стали приходить к этому дереву и совершать обряды жертвоприношений» [Чи Цзыцзянь, 2006. С. 41].

Прообразом этой легенды является миф о горном духе Байнача, существующий во множестве вариантов. Возможно, приведенная в романе легенда также является одним из вариантов распространенного мифа.

Еще один вариант этого мифа приводится в исследовании Лю Чуньлин: «Однажды охотники отправились в горный лес за добычей. Собравшись вместе у костра, охотники начали гадать, сколько зверей им удастся поймать. В этот момент из леса вышел странный незнакомец в собачьей шкуре с густыми седыми бровями и бородой, и ска-

зал: “Сегодня вы поймаете 44 оленя, 33 кабана и двух медведей”. Охотники удивились, когда они действительно поймали этих животных. Тогда они решили, что старик был вовсе не человек, а горный дух. После этого зародился такой обычай: перед выходом на охоту охотники вырезали на большом дереве лицо старика и преподносили ему разное мясо диких животных, словно задабривая горного духа, защищающего их и помогающего поймать добычу» [2012. С. 18]. Действительно, по представлениям эвенков, лесные антропоморфные существа и духи – это души умерших, которые находятся на ветках старого, раскидистого дерева, а потому местом обитания горного духа зачастую является дерево. За непочтительное поведение охотники могут быть наказаны духом. Во время охоты нельзя бездумно палить, крушить все подряд и кричать. Такое поведение непременно скажется на количестве добычи и навредит благополучию охотников, поэтому во время длительной охоты следует соблюдать множество табу.

Миф о духе Байнача отражает формирование верований и обрядов, связанных с промысловой деятельностью, цель которых – обеспечить успех в охоте и рыболовстве. Кроме того, он показывает, что промысловая деятельность эвенков не только обеспечивала их существование, но и являлась источником развития религиозных представлений, основанных на осознании существования факторов, не зависящих от воли человека.

Кроме мифов и легенд, которые в основном появляются в романе в качестве комментария к культурным реалиям и традициям в жизни эвенков, Чи Цзыцзянь уделяет большое внимание ритуальным песням шамана.

Песни шамана – важная часть фольклора эвенков, сложившаяся под влиянием специфической культуры шаманизма. Песни шамана тесно связаны с главными событиями в жизни и судьбе каждого человека: рождение, свадьба, болезни, смерть. Чи Цзыцзянь в послесловии к роману отмечает: «Почти каждый эвенк умеет петь, эвенки рождаются и умирают под звуки песен шамана» [2006. С. 264]. Несмотря на то, что Чи Цзыцзянь подвергает песни художественной обработке, они все же сохраняют свое ритуальное значение.

Например, песня «Бабушке-медведице» в исполнении героини романа шаманки Ни-

хао отражает особое отношение к духу медведя, существование практики захоронения останков, а также определенные табу по отношению к этому священному животному:

«Бабушка-медведица, дедушка-медведь,
Ты отправляешься в царство сна.
Мясо твое съели те черные вороны.
Мы твои глаза на дереве оставим –
Точно как волшебную лампу»

[Там же. С. 256].

На особую распространенность культа медведя в культурах народов мира справедливо указывает М. Г. Туров, обращая внимание на то, что в наиболее полном объеме он представлен в культурах охотников-собирателей умеренной таежной зоны Евразии и Нового света⁶. Действительно, культ медведя был широко распространен у народов Сибири и Дальнего Востока: хантов, манси, ненцев, кетов, эвенков, коряков, чукчей, камчадалов, айнов, орочей, ороков, нивхов, нанайцев, удэгейцев, ульчей [Соколова, 1972. С. 67]. В мифологических представлениях и ритуалах медведь может выступать как божество, культурный герой, предок и основатель традиции, тотемное животное, помощник шамана, дух-охранитель и пр. Медведь – один из главных персонажей животного эпоса многих народов, значение которого определяется его подобием человеку, толкуемым мифопоэтическим сознанием как указание на общее их происхождение или происхождение друг от друга⁷.

Убиение медведя, свежевание туши, поедание мяса и забота о его останках были обставлены у этих народов целым рядом церемоний, получивших название медвежьего праздника или медвежьей пляски. Праздник приурочивался к удачной охоте на медведя⁸. По мнению З. П. Соколовой, культ медведя и медвежий праздник – это одно из тех феноменальных явлений человеческой культуры, которое уникально тем, что зародившись еще в палеолите, оно бытует и сей-

⁶ Туров М. Г. Культ медведя в фольклоре и обрядовой практике эвенков. URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub/Data/?html=bear%203.2.htm&id=50> (дата обращения 13.05.2014).

⁷ Мифы народов мира. Электронная энциклопедия. URL: <http://www.mifinarodov.com/m/medved.html> (дата обращения 13.05.2014).

⁸ Там же. С. 67.

час у народов Сибири, сохраняя ряд архаических черт вплоть до хранения черепов и костей [2002. С. 41].

Захоронение останков и прощание с душой медведя – неотъемлемая часть медвежьего праздника. Г. М. Василевич относит ритуал захоронения останков медведя к наследию древнейшего магического обряда воспроизводства животных, служивших основой жизни охотника. Чтобы зверь не ушел навсегда из тайги, кости всегда складывали на лабазе – настиле на невысоких сваях или стволах деревьев [1971. С. 158–159].

Что касается эвенков, то единообразного ритуала захоронения останков медведя, по-видимому, не существовало, поскольку в каждом племени, у каждого охотника могли быть свои приметы и свои запреты по отношению к медведю. Тем не менее основные правила и табу отражены в эвенкийской песне «Бабушке-медведице», которую Чи Цзыцзянь включила в роман. Среди них можно указать следующие.

Во-первых, обращение к медведю с использованием терминов родства: «бабушка-медведица, дедушка-медведь». Эвенки зовут медведя *хэкэ* – дедушка, а медведицу называют *эво* – матушка. Орочны называют медведя *яе* – дедушка, а медведицу *тайте* – матушка. Это уважительное обращение к медведю, как к родственнику, связано с тем, что медведь считается предком эвенков [Ван Мин, 2009. С. 94–95]⁹.

Во-вторых, в песне отражены вербальные запреты: по отношению к убитому животному запрещалось употребление слов «убить», «умереть». Например, вместо словосочетаний «медведь умер», «медведя убили» намеренно используется эвфемизм «отправиться в царство вечного сна».

В-третьих, в песне отражена традиция «перекладывания вины» за поедание мяса на ворона. Чтобы убедить медведя, что его убил не человек, шаман говорит, что его мясо съели черные вороны (эти «извинительные» речи сопровождали обряд трапезы с медвежьим мясом).

В-четвертых, в песне частично отражен сам процесс захоронения медведя. Останки медведя оставляли на дереве. Обычно вначале вынимали глаза медведя, заворачивали

их в траву и по отдельности укладывали в затесы на дереве [История и культура..., 2010. С. 232]. На дереве также оставляли череп медведя и кости животного. Зачастую по отношению к убитому медведю проводились обряды похоронно-поминального цикла, характерные для умершего родственника [Соколова, 2002. С. 48].

Приведенная в романе песня шамана, обращенная к духу медведя, отражает все три комплекса известных медвежьих церемоний, о которых упоминают этнографы: охота на медведя, поедание медвежьего мяса, ритуальное захоронение останков. Часть из этих церемоний восходит к палеосибирским промысловым культам, часть представляет собой позднейшие межкультурные наслоения и трансформации [Там же. С. 52–58].

У дальневосточных эвенков известны многочисленные мифы о родстве медведя и человека, где медведь воспринимается как один из помощников творца в процессе создания человека. Восприятие медведя как родственника породило разнообразные запреты и установления по отношению к зверю [История и культура..., 2010. С. 231].

Мифы, изображающие медведя как первопредка и культурного героя, встречаются и у других дальневосточных народов. Например, в мифологической традиции Кореи, отраженной в летописном памятнике XIII в. «Самгук юса», составленном буддийским монахом Ирёном, зафиксирован известный сюжет об основателе государства Древний Чосон герое Тангуне, рожденном от небесного персонажа и медведицы, превращенной в женщину. От союза небесного персонажа с медведицей-хозяйкой леса, хтоническим существом, обитающим в пещере, рождается герой-устроитель, который создает государство и упорядочивает жизнь людей. Как указывает исследовательница этого памятника А. Ф. Троцевич, корейская мифологическая традиция предполагает не борьбу противников, а гармоничное соединение носителей двух противоположных начал [2004. С. 15].

По наблюдениям З. П. Соколовой, вообще в культе медведя единый древний пласт обрядов, связанный с представлениями о медведе как о человеке, обнаруживается у всех народов Евразии и Северной Америки [2002. С. 46]. Вероятно, и культ медведя, и культ огня, и промысловая магия, и празднично-игровая обрядность народов северной

⁹ З. П. Соколова упоминает и другие родственные обращения к медведю – «брат», «младший брат», «отец», «дядя» [2002. С. 61].

части Евразии входят в сложный синкретический комплекс представлений и обычаев, подразумевающий естественную трансформацию, обусловленную длительными межэтническими контактами.

В этой связи появление в современной китайской литературе произведения, обращаясь к истокам народной культуры эвенков Китая, представляется очень важным и своевременным. С одной стороны, это свидетельствует о напряженном поиске китайской интеллигенцией путей противостояния западной массовой культуре с ее сомнительными идеалами и ценностями, а с другой – это, возможно, связано с попыткой осмысления межкультурных контактов далекого прошлого и выработкой положительного образа представителей малого народа мультиэтничного Китая. Сполна используя достоинства и возможности жанровой специфики этнопрозы, Чи Цзыцзянь вводит в сознание читателей глубинный пласт народной культуры эвенков. Обилие и качество привлеченных писательницей фольклорных материалов позволяет считать роман ценным историко-этнографическим источником. Такой подход к оценке художественного произведения обусловлен длительной историей использования подобных материалов не только в литературе и комментаторской традиции Китая, но и в книжно-письменной культуре всего региона Восточной Азии.

Список литературы

- Арчакова О. Б., Трифонова Л. Л.* Мифологические предания эвенков. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2006. 283 с.
- Афанасьева Е. Ф.* Эвенки Китая // Тунгусо-маньчжурские этносы в новом столетии. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 11–21.
- Аюшеева Н. Г.* Место «литературы родных краев» в творчестве современной китайской писательницы Чи Цзыцзянь // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2010. № 8. С. 61–64.
- Болотин Д. П.* Происхождение амурских эвенков // Краеведение Приамурья. Периодический сборник. Благовещенск, 2008. № 3. С. 21–31.
- Борина Л. С.* Этноним «шорцы»: к вопросу о конструировании этнических границ // Проблемы этнокультурного развития / Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. 2007. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-142-8/978-5-88431-142-8_33.pdf (дата обращения 15.05.2014).
- Василевич Г. М.* О культе медведя у эвенков // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века (Сборник Музея антропологии и этнографии). Л.: Изд-во АН СССР, 1971. Т. 27. С. 150–169.
- История и культура дальневосточных эвенков / Под ред. В. А. Тураева; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. СПб.: Наука, 2010. 334 с.
- Народы Восточной Азии / Под ред. Н. Н. Чебоксарова. М.: Наука, 1967. 1047 с.
- Рябченко О. Н.* Литература Северо-Востока КНР в период реформ // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 3. С. 40–50.
- Соколова З. П.* Культ животных в религиях. М.: Наука, 1972. 213 с.
- Соколова З. П.* Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 41–62.
- Троцевич А. Ф.* История корейской традиционной литературы (до XX в.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 322 с.
- Ван Личжэнь.* Эвэнькэ-цзу инсюн шэньхуа чжун дэ жэньу синсян фэнси [汪立珍. 鄂温克族英雄神话中的人物形象分析 // 民族文学研究]. Анализ образов персонажей героического фольклора эвенков // Изучение народной литературы. Пекин, 2009. № 3. С. 91–93. (на кит. яз.)
- Ван Мин.* Ээргунахэ юань чжундэ самань вэньхуа цянсьи [王明. 额尔古纳河右岸中的萨满文化浅析 // 湖北经济学院学报 (人文社会科学版)]. Описание культуры шаманизма в романе «Правый берег реки Аргунь» // Вестник Хубэйского института экономики. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 6. С. 94–95. (на кит. яз.)
- Ду Дяньвэнь.* Аолугуя эвэнькэ – чжунго цзуйхоу дэ суньлужэнь [杜殿文. 敖鲁古雅鄂温克—中国最后的驯鹿人 // 《文明》]. Эвенки деревни Аолугуя – последние оленеводы Китая. Пекин: Культура, 2001. № 1. С. 88–95. (на кит. яз.)
- Ли Хунсю.* Лунь Ээргунахэ юань [李红秀. 论《额尔古纳河右岸》 // 文艺争鸣]. О ро-

мане «Правый берег реки Аргунь» // Споры о литературе и искусстве. Чанчунь: Изд-во «Союз литературы и искусств провинции Цзилинь», 2007. № 12. С. 4–9. (на кит. яз.)

Лю Чуньлин. Ээргунахэ юань чжун дэ эвэнькэ-цзу шэньхуа цзеду [刘春玲. 额尔古纳河右岸中的鄂温克族神话解读 // 吉林师范大学学报 (人文社会科学版), (大庆)]. Интерпретация мифов в романе «Правый берег реки Аргуни» // Вестник Цзилиньского педагогического университета (Серия: гуманитарные и социальные науки). Дацин, 2012. № 2. С. 18–22. (на кит. яз.)

Чжу Хэмэй. Аологуя эвэнькэ-цзу коутуоу чуантун дуй «Ээргунахэ юань» чуанцзо дэ инсян [祝贺梅. 敖鲁古雅鄂温克族口头传统对《额尔古纳河右岸》创作的影响]. Влияние фольклора эвенков Аолугуя на роман

«Правый берег реки Аргунь». Пекин: Изд-во университета Чжунъян-миньцзу, 2010. 65 с. (на кит. яз.)

Чжун Вэй. Цзяньлунь «Ээргунахэ юань» чжи шэньмин гуань [钟玮. 简论《额尔古纳河右岸》之生命观 // 时代文学]. Об отношении к жизни в романе «Правый берег реки Аргунь» // Современная литература. Цзинань: Изд-во союза писателей провинции Шаньдун, 2012. № 4. С. 106–107. (на кит. яз.)

Чи Цзыцзянь. Ээргунахэ юань [迟子健. 额尔古纳河右岸; Правый берег реки Аргунь]. Пекин: Октябрь. Художественная литература, 2006. 278 с. (на кит. яз.)

Материал поступил в редколлегию 03.05.2014

E. E. Voytishek, D. S. Bochkareva

*Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

orient@lab.nsu.ru

ETHNIC CULTURE OF CHINESE EVENKS (BASED ON THE CHI ZIJIAN NOVEL «THE RIGHT BANK OF THE ARGUN RIVER»)

Purpose: Description and analysis of elements of the ethnic culture and folklore of Chinese Evenks, which were deeply reflected in «The Right Bank of the Argun river» written by modern Chinese writer Chi Zijian (2005).

Results: For the first time in Russian Oriental studies the paper considers from the ethnographic standpoint the works of the well-known writer who analyzes significant social themes related to the traditional culture of ethnic minorities in China. The study is especially actual because the Evenks as the formed ethnos inhabit now a vast territory of both China and Russia. Therefore the investigation of the ethnic culture and folklore heritage of the Evenks is of particular interest in the comparative historical aspect. The genre features of ethnic prose give grounds to analyze the roman not only as a piece of art, but also as material presenting valuable historical and ethnographic folklore source. Widely using the possibilities of folklore genres (legends, fables, myths, tales, superstitions, and shaman), Chi Zijian describes folk dances, customs and traditions closely related to the oral folklore of Evenks. Mythological plots reflect the evolution processes in the Evenk ideas about the world, the formation of certain behavior rules and taboos, including those of hunting rituals taking an important place in the Evenk culture. A group of plots reflecting a special attitude of Evenks to the nature, fire and fireside worship, and hunting is considered in detail. Thus, the myth about mountain spirit Bainacha interprets the formation of beliefs and rituals associated with the industrial activity. These beliefs and rituals are aimed at the success in hunting and fishing. Shaman songs that are closely related to the main events in each human life are an important part of Evenk folklore, which was influenced by shamanism. As a characteristic example the shaman songs addressed to the bear spirit, who is a sacred animal for Evenks, are given and the existing practices of burying bear remains are described along with some taboo related to it. In the context of a comparative analysis of mythological representations and ritual practices of Siberian and Far Eastern peoples, a group

of myths about the kinship between bear and man, where the bear is perceived as one of the assistants of the Demiurge in the process of creating the man, is of great importance. The researchers have long noticed that many Siberian peoples are characterized by jolly-game ritualism associated with the bear cult and reflecting the traditional religious mythological representations. It is noteworthy that similar motifs exist not only in the folklore of Siberian peoples, but also in the mythological tradition of Oriental countries: China, Korea, and Japan. Korean mythological plots reflected in the Samguk Yusa chronicles of the 13th century are of great interest. There is a legend about the hero Tangun, the founder of the ancient Choson state, whose father was a god and mother was a bear turned into a woman. In this legend the Korean mythological tradition implies the harmonic unit between the carriers of two opposite origins rather than the battle of antagonists.

Conclusion: The reference to the ethnic culture of peoples lining on a vast territory of Siberia and Russian Far East and also Inner Mongolia and Heilongjiang Province of China underlines the significance of historical ethnographic studies in multiethnic communities, which are Russia and China. Current processes of globalism and internationalism make especially relevant the comparative studies of the culture of ethnic minorities.

Keywords: Chinese Evenks, Chi Zijian, the novel «The Right Bank of the Argun river», ethnical culture, traditional mythological representations, folklore, shaman songs, fire cult, bear cult.

References

Afanas'eva E. F. Evenki Kitaya [Evenks of China]. *Tunguso-man'chzhurskie etnosy v novom stoletii* [Tungus-Manchu Ethnic Groups in the New Century]. Ulan-Ude, 2010, p. 11–21. (in Russ.)

Archakova O. B., Trifonova L. L. *Mifologicheskie predaniya evenkov* [Mythological traditions of Evenks]. Blagoveschensk, 2006, 283 p. (in Russ.)

Ayusheeva N. G. Mesto «literary rodnih kraev» v tvorchestve sovremennoi kitaiskoi pisatel'nitsy Chi Zijian [Place of «literature of native lands» in the works of modern Chinese writer Chi Zijian]. *Vestnik Buryatskogo GU* [Bulletin of the Buryat State University]. Ulan-Ude, 2010, no. 8, p. 61–64. (in Russ.)

Bolotin D. P. Proiskhozhdenie amurskikh evenkov [The Origin of the Amur Evenks]. *Kraevedenie Priamur'ya* [Regional Studies]. Blagoveshchensk, 2008, no. 3, p. 21–31. (in Russ.)

Borina L. C. Etonim «shortsy»: k voprosu o konstruirovani etnicheskikh granits [Etonym Shor: About the Designing of Ethnic Borders]. *Problemy etnokul'turnogo razvitiya* [The Problems of ethnocultural evolution], 2007. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-142-8/978-5-88431-142-8_33.pdf (in Russ.)

Istoriya i kul'tura dal'nevostochnykh evenkov [History and Culture of the Far Eastern Evenks]. St.-Petersburg, Nauka, 2010, 334 p. (in Russ.)

Narody Vostochnoi Azii [Peoples of East Asia]. Moscow, Nauka, 1967, 1047 p. (in Russ.)

Ryabchenko O. N. Literatura Severo-Vostoka KNR v period reform [The Literature of the Northeast of Peoples Republic of China in the Period of Reforms]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oikumena. Regional Historical Studies]. Vladivostok, 2009, no. 3, p. 40–50. (in Russ.)

Sokolova Z. P. Kul't medvedya i medvezhii prazdnik v mirovozzrenii i kul'ture narodov Sibiri [The Cult of Bear and the Bear Festival in Outlook and Culture of the Siberian Peoples]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. Moscow, Nauka, 2002, no. 1, p. 41–62. (in Russ.)

Sokolova Z. P. *Kul't zhivotnykh v religiyakh* [The Cult of Animals in Religions]. Moscow, Nauka, 1972, 213 p. (in Russ.)

Trotsevich A. F. *Istoriya koreiskoi traditsionnoi literatury (do XX v.)* [History of the Korean Traditional Literature (To the XX Century)]. St.-Petersburg, St. Petersburg State Univ. Publ., 2004, 322 p. (in Russ.)

Vasilevich G. M. O kul'te medvedya u evenkov [On the Cult of the Bear in the Culture of Evenks]. *Religioznye predstavleniya i obryady narodov Sibiri v XIX – nachale XX veka* [Religious Ideas and Rituals of the Siberian Peoples at the and XIX – the Beginning of the XX Century]. (Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [Bulletin of Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1971, vol. 27. p. 150–169. (in Russ.)

Chi Zijian. Eergunahe youan [迟子健。额尔古纳河右岸 (北京: 十月文艺出版社)]. The right bank of the Argun river. Beijing, Shiyue chubanshe Publ., 2006, 278 p. (in Chinese)

Du Dianwen. Aoluguya ewenke – zhongguo zuihou de xunluren [杜殿文。敖鲁古雅鄂温克—中国最后的驯鹿人 // 《文明》]. Ewenks of Aoluguya – last reindeer herders in China, Beijing, Wenming Publ., 2001, no. 1, p. 88–95. (in Chinese)

Li Hongxiu. Lun Eergunahe youan. [李红秀。论《额尔古纳河右岸》// 文艺争鸣]. About the novel «The right bank of Argun riwer», Changchun, Wenyi zhengming Publ., 2007, no. 12, p. 4–9. (in Chinese)

Liu Chunlin. Eergunahe youan zhong de ewenke-zu wenhua jiedu [刘春玲。《额尔古纳河右岸》中的鄂温克族神话解读 // 吉林师范大学学报 (人文社会科学版), (大庆)]. The interpretation of myths in the novel «The right bank of the Argun river». *Bulletin of Jilin pedagogical university (Series: humanities and social science)*, Daqing, 2012, no. 2, p. 18–22. (in Chinese)

Wang Lizhen. Ewenke-zu yingxiong shenhua zhong de renwu xingxiang fenxi [汪立珍。鄂温克族英雄神话中的人物形象分析 // 民族文学研究]. Analysis of Evenks mythological heroes images. *Study of Folk Literature*, Beijing, 2009, no. 3, p. 91–93. (in Chinese)

Wang Ming. Eergunahe youan zhong de saman wenhua qianxi [王明。额尔古纳河右岸中的萨满文化浅析 // 湖北经济学院学报 (人文社会科学版)]. Shaman culture in the novel «The right bank of Argun river». *Bulletin of Hubei Economics Institute (Series: humanities and social sciences)*, 2009, no. 6, p. 94–95. (in Chinese)

Zhong Wei. Jianglun «Eergunahe youan» zhi shengming guan [钟玮。简论《额尔古纳河右岸》之生命观 // 时代文学]. About view of life in the novel «The right bank of the Argun river». *Shidai wenxue*, 2012, no. 4, p. 106–107. (in Chinese)

Zhu Hemei. Aoluguya ewenke-zu koutou chuantong dui «Eergunahe youan» chuanguo de yingxiang [祝贺梅。敖鲁古雅鄂温克族口头传统对《额尔古纳河右岸》创作的影响]. Influence of Aoluguya Evenks folk tradition on the novel «Eergunahe youan». Beijing, Zhongyang minzu Univ. Press, 2010, 65 p. (in Chinese)